

Глава 8. Последствия бурного детства.

За обедом Жан-Клод рассказал мне, что фиал с моими воспоминаниями отправлен в лондонский филиал Гринготса, а при следующем визите посланцев Блека с подписанным чеком Сириусу будет передано приглашение прибыть в банк для обсуждения и подписания некоторых финансовых документов. Причем гоблины, по традиции остававшиеся нейтральными, обеспечивали безопасность встречи и выступали гарантами отсутствия авроров, все еще охотившихся за головой Блека. Правда, оставался вопрос, как скоро это произойдет, поскольку чеки Сириус отправлял нерегулярно. Жан-Клод принял мои аргументы, хотя и убедил отправить к Блеку курьера непосредственно в его родовой дом, если гоблины не смогут добиться встречи.

После утреннего купания мне стало труднее всё так же непринужденно ухаживать за Флёр во время приема пищи. Образ девушки в не слишком скромном купальнике, её хриплый голос, — все это будило во мне странные чувства и желания. Однако я старательно задвигал их на дальний край сознания, поскольку прекрасно понимал всю глубину пропасти между четырнадцатилетним подростком и семнадцатилетней красавицей, у которой наверняка было уже немало свиданий с куда более достойными людьми.

— Мистер Поттер. — Слова Делакура вырвали меня из задумчивости. — Киаран передал мне, что для полноценной тренировки желательно использовать эликсиры, ускоряющие рост мышечных тканей. Если вы не против, то завтра в поместье прибудет медик, который сможет подобрать необходимые эликсиры и оценить ваше здоровье.

— Вы как всегда правы, мистер Делакур. — Хорошие манеры постепенно начали усваиваться, и мой наклон головы был ровно таким, как того требовал этикет. Впрочем... назначение некоторых особо хитрых столовых приборов по-прежнему оставалось для меня загадкой.

Флёр, которая, похоже, тоже сделала для себя определенные выводы во время прогулки, одобритительно мне улыбнулась, лукаво сверкнув глазами из-под длинных ресниц.

13 июня 1995 года. Поместье Делакуров.

Прибывший сразу после завтрака медик неожиданно явился в компании коллег, чего я никак не ожидал, и теперь мы вчетвером пили чай в малой гостиной, обсуждая моё детство. Седой, сгорбленный, постоянно поглаживающий короткую козлиную бородку Андрэ Мартиньяк, медик из французского аналога госпиталя Святого Мунго, объяснил, что только так он может составить действительно полную картину моего здоровья.

— Значит, вы говорите, что в детстве часто голодали? — Андрэ постарался смягчить вопрос, но я все равно поморщился.

— Можно сказать, что до одиннадцати лет меня кормили нерегулярно и далеко не самыми хорошими продуктами. Иногда после целого дня работы дома и в саду я получал стакан остывшего чая и пару бутербродов с засохшим сыром.

— Единственное, что можно сказать в пользу моих родственничков — они ни разу не попытались накормить меня откровенно испорченными вещами, видимо, боялись платить потом за приход врача.

Ассистентка Мартиньяка, представленная как «просто Мишель», белокурая невысокая девушка с фигурой, лишь немного уступающей изумительно красивой Флёр, старательно записывала мои высказывания. Впрочем, надо отдать им должное, Мартиньяк сразу объяснил

мне, что сохранение врачебной тайны в их среде — святое дело, так что за сохранность полученных ими сведений я не опасался.

Наконец, удовлетворившись устным опросом, Андрэ попросил меня раздеться до трусов, что я, покраснев до корней волос, сделал, невольно косясь на Мишель.

Врач, в сопровождении еще одного доселе молчавшего медика, только в самом начале проронившего, что его зовут Мартин Кассиде, специалиста по ядам и темным заклинаниям, сделал вокруг меня несколько кругов. Выражение лица Мартина было достойно того, чтобы рисовать с него картину гневного возмущения, Андрэ оставался спокойным.

Вытащив палочки, оба медика начали без пауз зачитывать надо мной многообразные диагностические заклятья, часть которых я уже имел несчастье слышать в лазарете Хогвартса, где был частым гостем.

Наконец, сделав паузу и велев мне накинуть предусмотрительно поднесенный домовым эльфом махровый халат, Андрэ заговорил.

— Месье, если бы я был вашим опекуном, я был бы вынужден покончить с собой — такого букета травм и болезней я давно не встречал...

Мартин насупился еще больше, но пока промолчал.

— Сломанные ребра, сломанные кости рук, плохо наложенное заклинание восстановления костей в правой руке, следы темных проклятий по всему телу, достаточно слабое сердце из-за недоедания в детском возрасте. — Доктор с каждым словом распалялся все больше и больше. — По сути, я мог бы попросить вас показаться моим ученикам на курсе лечения магических травм, и вы могли бы быть там наглядным примером в течение всего года обучения, — такой букет плохо залеченных ранений вы уже имеете в столь юном возрасте.

— Андрэ, ты кое-что упустил, — вступил, наконец, в разговор Мартин. — Ты не заметил следы нескольких довольно свежих Круциатусов. — Тут он сделал паузу, пережидая вскрик, вырвавшийся у Мишель, и до этого момента с сочувствием смотревшей на меня, а теперь просто прижавшей руки к лицу.

— А еще ты не заметил, что в его крови и печени есть изменения от яда василиска, а на руке — следы от клыков этой же милой зверюшки, причем я бы не хотел с такой столкнуться, судя по размеру оставивших шрам зубов.

Андрэ прошипел что-то по-французски, я не успел понять скороговоркой выплюнутые им фразы, но вид покрасневшей как маковый цвет Мишель ясно показал мне, что пожилой медик изволит сильно гневаться.

— Негодяй! Ваш опекун — натуральный негодяй!!! — тряся бородкой, старик вышагивал вокруг стола, поливая кучей проклятий человека, допустившего такой вред здоровью своего подопечного. Я с невольным ехидством отметил, что если бы хоть часть пожеланий медика исполнилась, то Дамблдора больше не волновало бы ничего, кроме собственного здоровья, и даже постарался запомнить несколько оборотов, среди которых особо выделялось пожелание вступить в определенного рода связь со стадом диких ослов. От последнего я с трудом подавил желание рассмеяться, а Мишель стала попросту пурпурной от смущения, поскольку речь старика изобиловала различными пикантными подробностями.

Наконец отхлебнув чая и немного успокоившись, Андрэ попросил меня сидеть смирно и начал

водить палочкой возле моего лба, как будто что-то заподозрив. С каждым движением палочки его глаза выражали все большее недоумение.

— Молодой человек, не могли бы вы объяснить, что у вас на лбу?

Поняв, что всё отрицать бессмысленно, я жестко посмотрел на медиков.

— Господа, я отвечу на ваш вопрос, только если вы поклянетесь хранить мой ответ в тайне. — Дождавшись согласных кивков, я подцепил ногтями и рывком содрал со лба пласт искусственной кожи, открывая взглядам медиков шрам в виде молнии.

— А ведь я читал о ваших приключениях в английских газетах, — задумчиво протянул Мартин. — Теперь я понимаю, откуда подобный набор травм в неполные пятнадцать лет.

— И теперь вы понимаете, чем вызвана моя просьба хранить увиденное в тайне. — Я недовольно поморщился. — В Англии меня при сложившихся обстоятельствах не ждет ничего, кроме смерти.

— Мы будем молчать, — за всех ответил Андрэ, продолжая изучать мой шрам. — Я не знаю, что у вас там в голове. — Признался он спустя несколько минут. — Мне неизвестна магия такой черноты, способная оставлять следы вроде вашего шрама и находящейся под ним небольшой области.

— Я знаю человека, которому, возможно, это известно. — Мартин выглядел не слишком уверенным в своей правоте.

— И кто он? — я с некоторым волнением ждал ответа на вопрос.

— Его зовут Аврелий Цимус...

Мне это имя ничего не сказало, но вот Андрэ выглядел как взъерошенный кот, увидевший соперника во дворе.

— Цимус? Этот чернейший из всех черных магов??? — бородка старика встала дыбом.

— Если заплатить ему те деньги, которые он затребует за работу, то он будет молчать и выполнит обещанное честно. Мой отец знал его довольно хорошо, и от него я слышал, что ранее разыскиваемый за множество преступлений Цимус выкупил себе свободу от преследований Авроратом и министерством какими-то хитрыми артефактами, и теперь удалился от дел, безвылазно проживая в родовом поместье.

— Ладно... Это всё проблемы Делакура и ваши, мистер Поттер. — Андрэ покачал головой. — Что касается обнаруженного нами помимо вашего шрама... Сами понимаете, травить вас обычными зельями будет как-то глупо, нужны сделанные конкретно под ваш случай эликсиры.

— И каковы ваши предложения, — я вежливо поднял одну бровь.

— Спустя неделю вам могут доставить эликсиры... вместе со счетом за их приготовление и за использованные ингредиенты. — Старик усмехнулся. — Счет будет немалый, честно предупреждаю.

На этом распрощавшись со мной и еще раз пообещав хранить услышанное в тайне, чему я непонятно отчего поверил, маги отбыли, а я пошел разыскивать старшего Делакура.

— Значит, они называли Аврелия Цимуса. — На лице Жан-Клода причудливо переплетались восхищение и недоумение.

— Да, только так и не объяснили толком, что это за человек.

— Тут сходу и не объяснишь, мистер Поттер. — Делакур-старший удобнее устроился в кресле. — Присаживайтесь, разговор нам предстоит не самый короткий, если вы не будете представлять себе, что это за человек, нормально с ним поговорить вы не сумеете. Он вас попросту съест и не поморщится.

— Так вот... — Жан-Клод щелчком пальцев вызвал эльфа и взял у него из рук стакан. — Лет сто пятьдесят — двести назад род Цимусов был известнейшим во Франции и Европе семейством черных магов. Не просто темных, но самых натуральных черных, со всей присущей им атрибутикой — пытками, убийствами и прочими развлечениями.

— А как же Аврорат? Министерство?

— А Аврорату и Министерству тогда было невыгодно с ними связываться... Во-первых, род был богатым и влиятельным. Во-вторых, подсчитали, что уничтожение родового замка Цимусов потребует ресурсов, которых у Аврората на тот момент попросту не было. В-третьих — Цимусы щедро откупались от всех заинтересованных в их уничтожении властимущих, ну а несговорчивых вскоре находили мертвыми... или не находили, но доказать ничего было нельзя.

— А вот потом начались странности. Уже в двадцатом веке род стал стремительно угасать. То ли их настигло родовое проклятье, то ли еще что-то произошло, но к пятидесятым годам из всего их немалого семейства остался только один маг, великий магистр Черной магии и некромантии, каких на всю Европу — всего двое и было к тому моменту. Он сумел договориться с тогдашним Министром магии и главой Аврората, отказался от привычных для семьи развлечений и почти на двадцать лет заперся в замке. Что он там делал — об этом его никто не спрашивал, но проекты потребовали просто невероятных денег, и в итоге маг стал за крупное вознаграждение оказывать помощь в делах, связанных с самыми темными знаниями.

— То есть медики предлагают?!...

— Именно. Поймите ситуацию правильно, мистер Поттер, этот человек — величайший Черный маг за последние пару столетий, по силе он, опять же, предположительно, уступает только Темному лорду, но... Не думаю, что они когда-нибудь сошлись бы на поле боя. Цимусу уже под двести лет, причем вряд ли он пользуется Философским камнем.

Каждая новая частица информации все больше поражала меня.

— Вот с таким человеком нам и предстоит вести переговоры... Общаться с магом, гораздо старше Дамблдора — небольшое удовольствие, могу вас уверить. Тем более если понимать, что он в любой момент может тебя убить, просто пожелав этого.

— И сколько примерно он просит за свои... консультации?

— Не менее десяти тысяч галеонов. — Сумма просто поразила мое воображение. Моя метла, стоимостью в тысячу галеонов, уже была неподъемной по цене для большинства рядовых магов. Десять же тысяч... На эти деньги можно было купить очень и очень многое... Впрочем, эти деньги у меня были, и я мысленно простился с большей частью имевшихся в детском сейфе средств — золото не поможет мне победить Темного лорда, а после совершеннолетия я смогу распоряжаться немалой суммой из основного сейфа родителей.

— Я могу рассчитывать на вашу помощь в организации нашей встречи с Цимусом, мистер Делакур?

— Только поймите меня правильно, обычно он назначает встречу в доме нуждающегося в помощи, но мне бы не хотелось, чтобы подобный человек пришел в поместье... — Делакур слегка нахмурился.

— В таком случае, я буду рад посетить этого великого мага в его собственном доме, если он согласится, — я кивнул, соглашаясь с мнением обычно смелого, но сейчас откровенно напуганного политика.

15 июня 1995 г. Поместье Делакуров.

Одним из послеобеденных уроков, вызывавших у меня наибольшие сложности, были, как ни странно, танцы. Мадам Генриетта, — высохшая, строгая женщина гораздо старше средних лет, но двигавшаяся при этом с грацией опытного воина, — поставила перед собой цель сделать из меня настоящего аристократа, и помимо собственно танцевальных па я разучивал правила этикета и допустимые темы разговора с леди во время бала.

И это просто убивало.

Отвечать во время сложных перемещений по бальному залу на самые каверзные вопросы мадам Генриетты было по-настоящему сложным занятием, а по требованию всё того же проклятого этикета я обязан был еще и вежливо улыбаться, искренне радоваться возможности общаться со своей спутницей и вообще вести себя так, будто она — это единственная женщина во всей вселенной.

Бывало и так, что я слишком долго думал, как ответить на вопрос об отношениях между мной и устроителями гипотетического бала, по этикету требовалось сказать нечто достаточно близкое к правде, но вместе с тем и не выдать действительно нужную информацию. Нередко от неожиданной фразы я сбивался с ритма, особенно запомнился мне момент, когда во время очередного вальса мадам Генриетта внезапно поцеловала меня в щеку, и я полетел на пол, запутавшись в собственных ногах. После чего долго выговаривала, что на настоящем балу я был бы уже опозорен и осмеян всеми присутствующими аристократами.

— Настоящий аристократ никогда не покажет своего удивления и всегда контролирует свои чувства. — Вот один из главных тезисов, которые пыталась вбить в мою голову мадам.

Несмотря на сложность получаемых заданий, сами по себе танцы, в отсутствии коварных ловушек моей наставницы, были для меня в удовольствие. Скольжение вместе с партнершей в ритме музыки чем-то напоминало мне дуэль, и Киаран, с которым я однажды поделился этим сравнением, был со мной согласен, не забыв напомнить, что в дуэли иногда нужно двигаться с рваным ритмом, чтобы сбить с толку противника.

Постепенно волнительный мир танца раскрывался передо мной все полнее и полнее, а я дал себе зарок, что когда окончательно освоюсь с этим занятием — постараюсь пригласить на танец Флёр. Впрочем, прошедшие с момента начала занятий полторы недели и мой достаточно скромный прогресс в искусстве танца говорили о том, что ждать мне придется еще довольно долго.

17 июня 1995. Окрестности Парижа, парк Диснейленд

Субботним утром прекрасные леди сообщили мне, что, поскольку я позволил себе

пренебрегать их обществом в течение недели, то в качестве штрафа обязан буду сопровождать их и развлекать весь день. Хотя излишняя строгость слов благородных дочерей рода Делакуров изумительно дополнялась лукавыми взглядами, а Габриель в ходе нашей беседы, где использовались самые цветистые и изысканные этикетные обороты, с трудом удерживалась от смеха.

В итоге на совете из трех человек было решено провести день в магловском парке развлечений недалеко от Парижа. Добравшись на служебной машине министерства до парижского филиала Гриннготса, где я снял со счета приличную сумму и тут же перевел её в местные франки, мы отправились на поиски приключений.

Оставив бессменного шофера дремать за рулём и предупредив, что к машине мы вернемся очень не скоро, оживленная Флёр повела нас к воротам парка, где я заплатил за входные билеты, дававшие право неограниченного пребывания на территории комплекса.

Радостная Габриель явно решила отбросить на сегодня чопорное аристократическое воспитание, и превратилась в ту, кем, собственно, и являлась, — в девочку 12 лет, которая попала в парк развлечений. Так что спустя пару минут она уже с огромным удовольствием ела сливовое мороженое, купленное в стоящем возле входа павильончике, а мы с Флёр неспешно потягивали свежавыжатый сок.

Первым нашим приключением стал расположенный недалеко от нас дом смеха, изогнутые зеркала, покрывавшие все стены, потолок и даже пол некоторых комнат, отражали нас в таком гротескном и нелепом виде, что от взрывов нашего смеха оборачивались даже некоторые маглы. Флёр надолго остановилась перед одним из зеркал, в котором фигурка девушки казалась еще более стройной, но зато лицо расплывалось почти на всю ширину стекла, и попыталась разглядеть, красиво ли подведены глаза, но потом просто захихикала, глядя на ужимки собственного отражения.

Далее был скрытый в тени деревьев вытянутый в длину павильон, где желающим предлагалось поразить установленные в дальнем конце помещения мишени из средневековых арбалетов. Выигравшим предлагались в качестве призов мягкие игрушки, сладости или забавные маски, закрывавшие все лицо, и здесь Флёр поразила меня, без промахов поразив пятью стрелами мишени, после чего забрала выданный удивленным хозяином приз — маленького розового мышонка. На мой удивленный вопрос девушка сначала приняла преувеличенно гордый и загадочный вид, а потом со смехом призналась, что немного жульничала с волшебством в паре выстрелов из пяти.

Когда мы прошли вглубь парка, Габриель убежала кататься на карусели, а мы с ее сестрой стояли у оградки и смотрели на радостную девочку, оседлавшую белоснежного пегаса, гордо изогнувшего шею. Растрепавшиеся локоны периодически попадали ей в глаза, но она все равно выглядела страшно довольной.

После еще нескольких аттракционов я запросил пощады, признавшись, что мои силы уже на исходе. Мы присели за столик небольшого кафе, крыша которого представляла из себя решетку, оплетенную множеством вьющихся побегов плюща. Заставив слегка гудящие ноги передвигаться, я пошел к барной стойке, чтобы вернуться к моим спутницам уже нагруженным подносом с графином сока и свежееиспеченными ароматными пышками, посыпанными сахаром и ванилью.

— Гарри, с таким угощением мне придется вдвойне следить за фигурой, — Флёр хитро посмотрела на меня.

— Думаю, с такой стройной фигурой, как у тебя, ты вполне можешь позволить себе немного сладкого — и все парни будут по-прежнему у твоих ног. — Я постарался ответить как можно более вежливо и мягко, но девушка почему-то погрузнела.

— Гарри, ты не знаешь и никогда не поймешь, что такое быть пусть даже наполовину вейлой... — Флёр потупила взор. — Я могу есть сладкое и толстеть, но сила вейлы все равно будет заставлять окружающих смотреть на меня, как на самую прекрасную девушку на свете, а мне нужно совсем не это.

Видимо, я нечаянно попал в больную точку девушки, потому что она продолжила, уже более возбужденно:

— Большинство людей не видит меня саму за той аурой, которой обладают все вейлы, и мне досталось по наследству достаточно нужных генов, чтобы понять это очень быстро. Так что... — Она безнадежно покачала головой.

— Но ведь не все люди подвержены вашей врожденной магии, Флёр, — попытался я успокоить расстроившуюся девушку.

— Магов, способных на это, не так уж и много, среди них мой отец, его друзья, которым потребовалось довольно много времени, чтобы привыкнуть к чарам моей матери и моим, еще несколько человек. Ты тоже не слишком поддаешься воздействию моей ауры, Гарри, — девушка посмотрела мне прямо в глаза. — И я ценю твое отношение ко мне.

Мы шутливо чокнулись стаканами с соком, как будто находились на официальном приеме.

Один из аттракционов, мимо которых мы шли после кафе, привлек мое внимание. Надпись, смысл которой я с горем пополам сумел перевести, гласила: «Полоса препятствий! Испытайте свою ловкость, добравшись до главного приза! Только для взрослых и детей, старше 14 лет». Убедив моих спутниц остаться в зрительном зале аттракциона, я подошел к распорядителю, пристально на меня посмотревшему, но все же выдавшему мне защитный жилет, шлем с прозрачным забралом, наручи и поножи, чем-то похожие на защиту вратаря в хоккее, но менее стесняющие движения.

Одевая защиту, я внимательно слушал пояснения распорядителя аттракциона. Как выяснилось, я должен был пройти по довольно узким мосткам, расположенным на двухметровой высоте над мягким полом, при этом уклоняясь от раскачивающихся со всех сторон гротескных булав и секир, сделанных пусть и из довольно мягкого материала, но способных оставить немаленькие синяки.

Происходящее на полосе транслировалось в зал с помощью нескольких десятков камер, а если участников было мало, то и вообще камеры последовательно включались на его пути, выдавая единственное изображение на громадный настенный экран.

Заслужив в напутствие воздушный поцелуй от Флёр, я зашел в дверь, вспрыгнув на мостик, ведущий в следующую комнату. Посмотрев вниз, я убедился, что внизу — мягкий пол, но падать туда все равно не было никакого желания. Помахав рукой видеокамере под потолком, я двинулся вперед.

Первая надувная секира — скорее, просто предупреждение, а не серьезная ловушка, — неспешно вылезла из стены и ударила в мостки, когда я уже проскочил место предполагаемого удара. Так сказать, показала, что меня ждет дальше. Проследив взглядом, как древко за счет скрытого в стене мотора поднимается обратно, я метнулся дальше, где было по-настоящему

интересно.

Следующие несколько минут мне пришлось прыгать как белке, уклоняясь от все быстрее падающих из стен секир, некоторые из которых рубили в горизонтальном направлении, и их приходилось попросту перепрыгивать. Но наконец я преодолел этот зал, оказываясь в пустой комнате, стены которой были усеяны множеством отверстий. Голос из скрытого в потолке динамика любезно сообщил, что мне нужно продержаться хотя бы пару минут под градом шариков с легко смывающейся краской, после чего началось почти то же, чем мы занимались на части тренировок с Киараном. Шарики вылетали из стен то быстро, то медленно, иногда даже по несколько штук с разных сторон, но я пока что оставался чистым. Наконец, когда я уже начал беспокоиться, дверь в следующее помещение открылась. Подойдя к ней, я осмотрел себя — только на одном плече красовалось небольшое пятнышко от прошедшего вскользь удара.

Дальше была громадная, крутящаяся в горизонтальной плоскости по оси труба, которую нужно было просто пробежать как можно быстрее, не упав при этом из-за предательски двигавшегося прямо под ногами пола. Это задание было чуть сложнее, с непривычки я пару раз кубарем прокатился вперед, а голова явственно закружилась — цветные пятна в крутящейся трубе создавали совершенно дикий, сбивающий с толку эффект.

Вывалившись из трубы, я с облегчением понял, что испытание завершилось — видимо, организаторы не стали чрезмерно удлинять полосу препятствий, чтобы не вступать в противоречие с возможностями среднего неподготовленного человека. Подождав какое-то время, и избавившись от легкого головокружения, я, снимая на ходу экипировку, направился к стойке, возле которой меня уже ждали француженки, а еще несколько смотревших до этого на экран посетителей приветствовали меня радостными криками.

— Было бы неплохо устроить подобное в подземельях отцовского поместья, — Флёр быстро поцеловала меня в щеку. — Ты неплохо пробежался, Гарри.

Забрав у заговорщически подмигнувшего распорядителя свой выигрыш, а именно — пушистого тигра размером чуть ли не с Хагридовского Клыка, я демонстративно положил его передние лапы на плечи захохотавшей Габриель, которая, обхватив его руками, оказалась немногим выше игрушки. Флёр попыталась было обиженно надуться, что подарок предназначался не ей, но потом тоже рассмеялась, глядя, как девочка пытается поудобнее ухватить мохнатую зверюгу.

Мы вышли из павильона и свернули в одну из боковых аллей, где я, убедившись, что за нами никто не наблюдал пару секунд, быстро уменьшил тигра до приемлемых размеров, чтобы он поместился в сумочку Флёр.

В процессе наших дальнейших развлечений, мне пришла в голову интересная мысль, и я стал внимательно оглядываться по сторонам в поисках нужного мне павильона. Наконец, попросив моих прелестных спутниц подождать меня, сидя в маленькой деревянной беседке в кустах, я быстрым шагом направился к торговавшему живыми цветами стеклянному павильончику, подсвеченному изнутри мерцающими огнями. Выбрав несколько красивых лилий и расплатившись, я пошел обратно, но перед беседкой на секунду замер, услышав гнусавый голос человека, находившегося в сильном подпитии.

— Ну что же ты, такая красотка — и сидишь без настоящего муж-ж-жчины. — Высокий парень в слегка помятой одежде дышал перегаром на отвернувшуюся в сторону Флёр, по совпадению, удерживая её рабочую руку, так что девушка не могла воспользоваться палочкой.

Достав из рукава палочку, я хладнокровно оглушил недоумка и толчком ноги спихнул его со скамейки в кусты. Флёр поморщилась, все еще ощущая запах перегара, которым пропитался воздух вокруг.

— Прекрасные леди, ничто не может описать моего сожаления по поводу этого прискорбного инцидента. — Меня понесло, слова этикетного языка срывались с губ сами по себе, хотя я улыбался, пытаюсь рассмешить расстроенных девушек. — Но сей коварный разбойник уже повержен вашим храбрым рыцарем, смиренно молящим простить, что на краткое время покинул ваше общество.

Габриель, слушающая весь этот напыщенный поток слов, с каждой следующей фразой будто наливалась смехом и наконец тихонько прыснула в кулачок.

Я протянул все еще грустной Флёр букет лилий, и девушка уткнулась в него лицом.

— Спасибо, Гарри, — невнятно прозвучало сквозь букет. — Так постоянно случается, если я отдыхаю в магловских районах, да и в заведениях магов то же самое.

Мне оставалось только со всей деликатностью обнять девушку, и пару минут мы просидели молча, Габриель смотрела на нас, ехидно улыбаясь, но я не хотел даже догадываться о том, какие мысли бродят у девочки в голове.

— В следующий раз, даже если нам навстречу попадет голодный дракон, нас защитит он. — Я выхватил палочку, направил её в небо, и прокричал:

— Expecto Patronum!

Сверкающий белым огнем зверь, уже не олень, каким был мой патронус на третьем и четвертом курсе, — но расправивший крылья грифон, — унесся в небо, вызвав несколько восторженных криков на соседних аллеях.

— Гарри, ты сумасшедший! — Флёр сразу забыла о происшедшем. — А если бы нас заметили?

— Думаю, все решат, что это был обычный фейерверк, — я пожал плечами. — Зато из глаз моей прекрасной спутницы исчезла печаль, разрывавшая мне сердце. — Я улыбнулся девушке.

— Не знала, что ты владеешь Высшей светлой магией. — Задумчиво протянула она, когда мы втроем уже шли по аллее к выходу из парка.

— Скажем так, кое-что я знаю, но это — не заслуга Дамблдора. — Я заговорщически усмехнулся.

В автомобиле Габриель обняла тут же вернувшегося к своим истинным размерам тигра, из-за которого даже на расширенном магией заднем сиденье нас с Флёр притиснуло друг к другу. Тонкий аромат волос девушки, её духов, и также запах лилий, одну из которых она воткнула между прядей, будоражил мое обоняние, а прижавшееся к моей ноге колено девушки было таким теплым, что я ощущал его даже сквозь толстую ткань магловских джинсов. Флёр, заметившая, что я как-то по-иному себя повел, провокационно положила мне голову на плечо и стала мурлыкать какую-то песенку, полностью уйдя в себя. Боясь пошевелиться, я прислушивался к её голосу, а внутри разливалось какое-то странное тепло, вызванное ощущением доверчиво прижавшейся ко мне девушки. Наверное, испытываемых мной сейчас чувств хватило бы на десяток патронусов, но способ проверить это не представился.

<http://tl.rulate.ru/book/69499/1848519>